
Леонид Смирнов

Ассоциация базовых ценностей и графических символов

Базовые ценности как основа
полноты картины мира

Один из способов создать у человека иллюзию полноты его картины мира, широко практикуемый культурой любой цивилизации (поначалу в эру господства мифов может только на уровне вождя, властной элиты), заключается в том, чтобы снабдить его принципами, стандартами, достаточно универсальными для оценки либо любой ситуации, либо широкого спектра ситуаций. В сфере сознания это тщательно, при опоре на природу человека веками отработанные в культуре терминальные и инструментальные базовые ценности. Их полный набор позволяет как отобрать ряд общепризнанных конечных оснований выдвигаемых целей и конкретного порядка в обществе, представляя его «естественным» и значит легитимным, так и способствует воспроизводству социальных практик и институтов данной культуры и общества в целом. При этом, как показывают наши данные [1], часть ценностей, оказывается, очерчивает предпочитаемый в данной культуре способ или допустимые пути для некоторого приспособительного изменения (все же не меняющего ядра), в соответствии с новыми вызовами, постоянно получаемыми от природы или других конкурирующих в данный момент культур и сообществ людей. Практически любая идеология, добивающаяся принятия людьми, т.е. включения ее в их картину мира, не может не ссылаться в качестве своего основания на ряд базовых ценностей. Своеобразие идеологий проявляется в специфике подбора ряда из полного списка.

Опора базовых ценностей на природу человека

Для индивида базовые ценности выступают как его собственные конечные предпочтения. Поэтому культура не может предлагать произвольный список ценностей. Что бы стать действенными, отбираемые базовые ценности не могут не опираться на природу человека. Основания включения ценностей в список базовых бесполезно искать в сознании, они скорее коренятся в специфически человеческой биологии, оформившейся в ходе эволюции человека, в специфике развития у него социальности, в том неосознаваемом психическом, которое исторически было предшественником его сознания. 1,5 миллиона лет охоты и собирательства не могли пройти бесследно. Это можно обнаружить уже при рассмотрении того, насколько широк, не зависимо от разнообразия культурного багажа, социальных условий и соответствующего воспитания, диапазон аналогичных ситуаций и объектов, когда человек испытывает радость и удовлетворение в своей жизни, чему огорчается, от чего испытывает гнев и страх.

Базовые ценности доминируют среди возможных сознательных, духовных регуляторов. Совместное действие всех факторов отбора, сохранения таких общих принципов, которые могут стабильно обеспечивать жизнедеятельность сообщества, включая как хозяйственную деятельность, так и возможность адаптации к меняющимся условиям, реально оставляет не такой уж и большой простор допустимых для данного сообщества в данном вмещающем ландшафте и эффективно выполняющих свои функции систем ценностей.

Структурная специфика ценностной системы России

Структурная специфика ценностной системы России, надо полагать, рождалась в тесной связи с устойчивыми своеобразием страны как с точки зрения условий природных, так и связанных с ними сложившихся условий исторических и духовных. В России уникальные природные условия для жизни человека, которые своей относительной суровостью, уровнем усилий для простого выживания не могли не сказаться на становлении особой культуры и соответственно на российской специфике становления ценностного уровня сознания населения. Одновременно, в памяти людей нескольких последних поколений не могли не отложиться в качестве культурного багажа те принципы, следование которым помогло выжить и преодолеть и разруху гражданской войны, и извращенность экономики тотали-

тарного режима, и трудности во время и после Отечественной войны, и «шоковую терапию» и т.п. Для понимания, как того, что в нашем меняющемся обществе все же остается устойчивым в духовной сфере, так и для доказательных утверждений о кардинальном переосмотре обществом духовной основы важно выявление структуры надындивидуальных ценностей российского суперэтнуса. Показать реальность существования такой структуры, на наш взгляд, можно только данными экспериментальных работ.

Особенность понимания структуры
и состояния ценностной сферы

Понимание структуры и состояния ценностной сферы на данный момент не сводится к простой фиксации иерархии. Логика ценностной регуляции не столь прямолинейна [2], поэтому требует изучения сложного комплекса:

- 1) на уровне сознания возможно и для полноты картины необходимо изучение феноменологии бытования базовых ценностей (такая работа периодически ведется, в том числе и автором [3]);
- 2) на уровне коллективного бессознательного и динамического бессознательного.

Коллективное бессознательное (по К.Г. Юнгу, хотя нельзя не отметить, что научная постановка проблемы им была только обозначена), видимо, элемент в природе человека очень консервативный. Оно является результатом длительной эволюции и вполне готово к рефлексии, необходимой в жизни охотника-собирателя и к отстаиванию такой жизни. Содержания, которыми наполняются эти готовые схемы и формы, заметно зависят от культуры, в которой человек развивается. Последняя же, особо организуя воспитание, тем самым ставит свои фильтры, с разной долей успеха отсекающие нежелательные для нее, хотя и возможные, заложенные в архетипах пути развития сознания. Попытки же сознательного, рационального, цивилизованного поиска путей адаптации человека к меняющимся социальным и природным условиям, как свидетельствуют последовательно возникающие социально-экологические кризисы, не вышли далеко за рамки обслуживания устремлений и влечений, заложенных в природе человека, а значит и в реально еще не исследованном коллективном бессознательном.

Следующим шагом, для уточнения того, что стоит за уже полученными данными о распространенности и совме-

Как можно раскрыть содержательное наполнение ценностей

стности выбора ценностей, должно стать выявление содержательного наполнения ценностей, причем не экспертами, а в рамках массового сознания.

Естественно, встает вопрос, каким образом такое наполнение раскрывать. Можно, например, феноменологически через уточнение объема понятия и сложившиеся представления, но действенными ценности делают не умение человека грамотно сформулировать свое видение той или иной ценности, а ее мотивирующие возможности. В качестве другого варианта можно было бы применить что-то вроде семантического дифференциала, используя в основном эмоциональные дескрипторы, оценки силы и интенсивности. Однако словами выраженные ценности мы опять же словами и предложили бы выразить. Достаточно ли этого для выявления устойчивых, структурных особенностей? А главное, учитывается ли при этом в какой-либо мере аспект коллективного бессознательного?

Новый подход

Понятно, что для более глубокого раскрытия ценностных структур нужны новые подходы и методы. Прежде всего, необходимо было обратиться к неосознаваемым детерминантам ценностных структур, не выявляемым в обычном опосредованном речью общении. Поэтому было решено обратиться к проективным методам. Начать надо было с подбора соответствующего материала для проекций, желательно связанного с архетипами [4]. При этом еще одно требование на отбираемый материал состояло в том, чтобы человеку не надо было работать со словами высокой степени абстрактности и мучительно подбирать синонимы и ассоциации, описывая то, как он представляет себе содержание той или иной ценности, причем может им и не разделяемой.

Древность изобразительных символов

Благодаря работам антропологов и этнографов сегодня мы имеем образцы довольно древних изобразительных символов, которые можно обнаружить в окружении людей практически всегда, начиная с первобытной культуры [5–7]. Например, в орнаментах нередко используются символика, смысл которой часто потерян, но эмоциональное воздействие осталось, иначе ее бы не стали использовать. Такие орнаменты можно найти и на черепках довольно древней глиняной посуды и другой утвари, и в наскальных изображениях, и в надгробиях, то есть на всем, что смогло уцелеть до наших дней. Подавляющее большинство такого рода симво-

лов, не являясь ни изображениями предметов, ни существами из привычной среды обитания, хотя и не смогло в употреблении избежать влияния культуры, но оставило за собой универсальный характер.

В результате в качестве искомого материала для составления проективной методики было решено использовать графические зрительные образы или символы, которые предположительно связаны с архетипами. Архетипы не имеют простого словесного оформления, выраженные в понятиях, они перестают выполнять свою функцию априорной формы психики. Задача архетипа — как дать общее русло для развития человеческого сознания, так и восстановление структур сознания в критических ситуациях (болезни, обесмысливание жизни и т.п.) или оберегание от уж слишком односторонней рациональной сознательной картины мира, которая может отсечь нечто очень жизненно важное для природы человека.

Символизм и принцип достаточного тождества

Аналогия (сходство) — краеугольный камень символизма (системы символов), — считает Х. Керлот [8]. Ее присутствие всегда выдает действие мифической силы, потребность воссоединить то, что было разъединено. Например, два высказывания «солнце побеждает тьму» и «герой побеждает чудовище» имеют аналогию в функциях обоих субъектов, глаголов и предикатов. Поэтому эти два действия с «общим ритмом» могут заменяться или переставляться без разрывов и нарушений в системе. Возьмем еще два высказывания «солнце сверкает как золото» и «золото сверкает как солнце» — солнце, в той мере, в какой его сверкание является золотым, есть золото. Это приравнивание принципа «достаточного тождества». Такое тождество «достаточно» для целей символизации. Оба объекта (как солнце и золото) хотя и различны в плане экзистенциальном, становятся, когда их функции совпадают и раскрывают принадлежность одной сущности, одним в плане символическом. Все драконы есть Дракон, и самый неумелый символический рисунок, напоминающий дракона — Дракон. Это следствие принципа «достаточного тождества».

Э. Кассирер [9] в своей последней работе отметил, что человека правильнее будет называть не рациональным (заметим от себя — и не общественным), а символизирующим (создающим и использующим символы) жи-

вотным. В предисловии к английскому переводу «Словаря символов» Х. Керлота, утверждается, что ни на какой стадии развития общества и цивилизации человек не был способен избежать символов. Наука и технология не освободила человека от его зависимости от символов. «Более того, можно утверждать, что его потребность в них усилилась».

Знак и символ. Различные традиции употребления терминов

Есть понятие знака, в различных научных школах имеющее разный объем, которое у ряда авторов пересекается с употреблением термина символ. Так, языковед Р. Якобсон полагал, что знаки бывают иконические (сходные с вещью или предметом которые они обозначают), индексные (другие авторы используют слово «указатель») и символические (связь договорная и искусственная). В американской литературе, помимо индексов, упоминается о сигналах, когда также имеет место искусственное отношение. В своих, оказавших широкое влияние, работах Ф. де Соссюр говорил о языковом знаке, как о результате соединения означающего и означаемого. Есть другая традиция, идущая от Ч. Пирса, вводящая представление о символе (=означающее, но Ч. Пирс говорил «репрезентант»), референции (=означаемое, по Ч. Пирсу, «интерпретанта») и референте (=означаемая реальность, или, по Ч. Пирсу, «объект»). Отсюда у его последователей появилась традиция называть символом нередко то, что другие обозначают термином знак. Есть так же термин «символы математики»; есть «символическая логика», как представление утверждений в логике с помощью ряда символов, типа математических. Ниже пойдет речь не об этих символах.

Типы и язык символов

Э. Фромм в работе «Забытый язык» различает три типа символов а) условные (или конвенциональные), в частности многие слова, б) случайные, когда переживания реальные связаны с внешним случайно и в) универсальные. Для него символ — это нечто, находящееся вне нас и символизирующее нечто внутри нас, только при таком понимании считает он подходит и очень размытое расхожее определение символа как «нечто, являющееся обозначением чего-то другого».

Язык символов — это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира. Нам наиболее интересны универсальные символы, когда «связь между символом и тем, что он символизирует, не случайна, а внут-

ренне присуща самому символу. Нет необходимости говорить о генетической предопределенности, чтобы объяснить универсальный характер символов. Каждый человек, тело и разум которого «устроены» так же, как у всего остального человечества, благодаря этим общечеловеческим свойствам способен говорить на языке символов и понимать их» [10].

«Космический фон»

Греческий меандр, волнистые линии, спирали, сигмы, крестообразные фигуры, ромбы, круги, овалы, стрелки, треугольники, зигзаги, фигуры с тремя и более линиями, исходящими из центра, свастики — «космический фон». На определенном этапе, когда человек обнаружил в себе дар созидания и организации, качества выделившие его из животного мира, появившиеся тогда культуры можно охарактеризовать как «астробиологию», что связано с ритмами жизни приручаемых животных и возделываемых растений, с календарными наблюдениями положения на небе Солнца, Луны. Неудивительно, что соответствующие древние графические символы составляют упомянутый «космический фон» самых древних дошедших до нас изображений и рисунков.

Словесные ассоциации на графические символы. Пилотаж

Большей частью те графические символы, которые были отобраны как потенциальный материал для проекции, следует отнести к космическому фону. Неудивительно, что в пилотажном эксперименте, когда 104 испытуемых дали нам ассоциации на выбранные нами символы, а так же описали изменение своего эмоционального состояния (если оно было), все обнаружившиеся в ответах мифические темы оказались связаны с космогоническими мифами.

Судя по ответам этот материал либо вызывал проекцию не у всех, либо люди не стали раскрываться. Однако вопрос о том, изменилось ли эмоциональное состояние, позволил отбирать для методики символы, опираясь на наличие или отсутствие эмоциональной заряженности и ее интенсивности.

По ходу анализа ответов того пилотажа нельзя было не заметить и активную работу принципа достаточного тождества. Так, кого-то из испытуемых даже раздражала бледность использованного в пилотажном исследовании контурного рисунка креста, но эмоциональная реакция была всегда как на Крест и что он для того или иного испытуемого означает или символизирует. Изо-

бражение же, с определенной натяжкой напоминающее Луну, вызвало весь спектр приписываемого Луне (в том числе и как иерофании [11]) символизма.

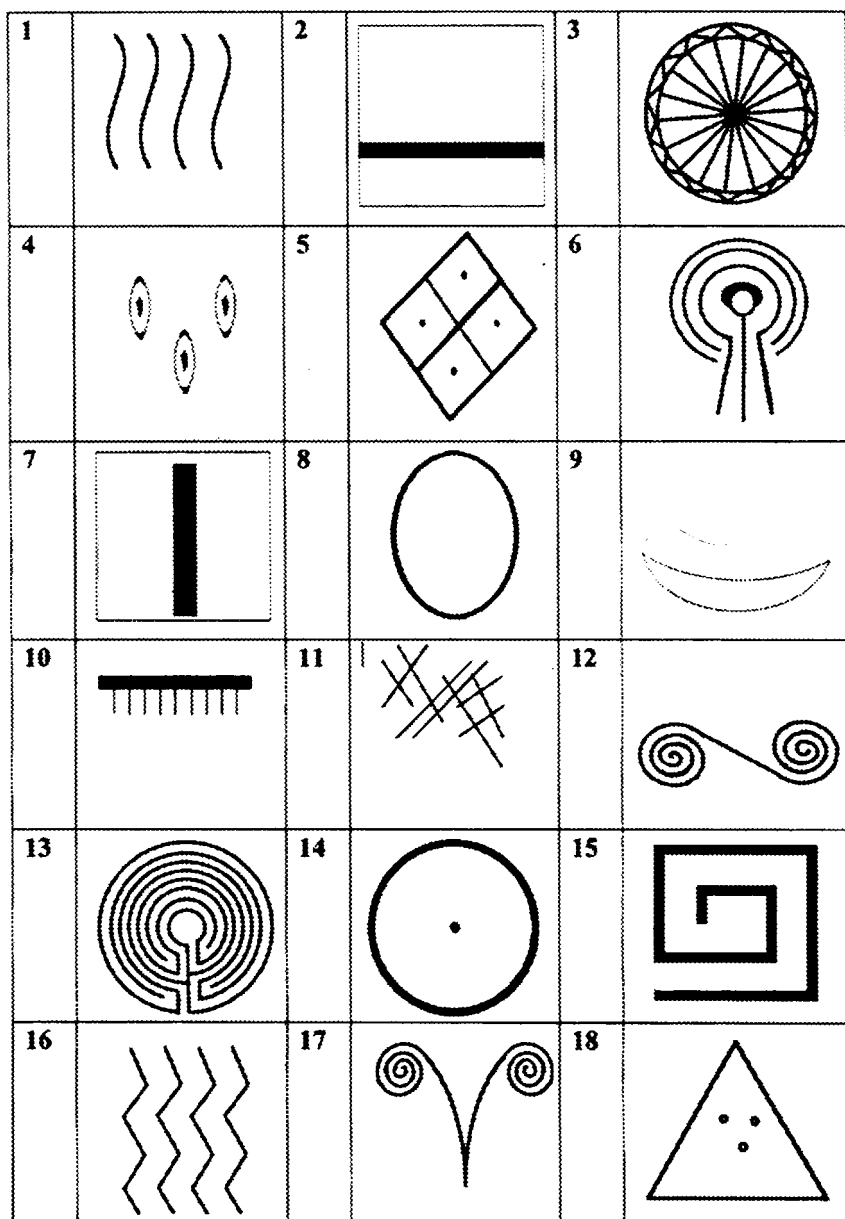
Отметим, что большая часть символов, проверяемых нами в пилотажном исследовании, оказалась не перегружена широко принятыми конвенциональными значениями. Например, из использованных — круг с точкой посередине, согласно словарю графических знаков и символов В. Шеферда [12], (около 6000 идеограмм западной цивилизации) имеет многочисленные условные значения в массе разных областей. Однако большинство приведенных в словаре конвенциональных значений людям в их повседневности (они, как правило, не астрономы, не астрологи, не каббалисты, не метеорологи, не полиграфисты, не географы, не профессиональные нищие и т.д. и т.п.) не известны, а если и известны, то эмоционально практически не задействованы, в отличие, к примеру, от креста. В последнем случае, припоминая одно из конвенциональных значений, например, «красный медицинский», участнику опроса могла вспомниться больница или скорая помощь и т.п., далеко не у всех это будет приятное переживание. Тогда, по терминологии Э. Фромма, для отвечавшего это будет случайный символ.

Таблица отобранных для методики
символов

Приводим, как результат пилотажного исследования, те символы, которые затем были использованы нами для задания ассоциирования символов и ценностей на основе сходного эмоционального реагирования.

Методика была проведена на группе студенток — 45 человек. Данные символы были проассоциированы с базовыми ценностями, список которых взят по результатам специальной психосемантической методики отбора, описанной нами ранее [13]: 1) безопасность; 2) вера; 3) верность; 4) взаимопомощь; 5) воля; 6) демократия; 7) державность; 8) доверие; 9) достаток; 10) достоинство; 11) духовность; 12) законность; 13) здоровье; 14) изобилие; 15) культура; 16) любовь; 17) милосердие; 18) мир; 19) могущество; 20) настоящая дружба; 21) наука; 22) образование; 23) порядочность; 24) профессионализм; 25) самосознание; 26) свобода; 27) семья; 28) смысл жизни; 29) согласие; 30) справедливость; 31) стабильность; 32) творчество; 33) труд; 34) уважение к родителям; 35) успех.

СИМВОЛЫ

Результаты апробации методики

В результате мы получили для каждой ценности своего рода «слово» из алфавита графем. Кроме того, методика дала нам в руки основание для группировки ценно-

стей по сходным эмоциональным, а может, и просто не-сознаваемым реакциям на представленные словами ценности. Для этого можно, в частности, посмотреть то, какие ценности для каждого символа при задании ассоциирования вновь значимо превысили среднюю частоту выбора. Тогда, к примеру, обнаружится, что символ № 12 собрал такие ценности как «верность», «взаимопомощь», «доверие», «любовь», «настоящая дружба», «согласие». А символ № 7 объединил для испытуемых такие ценности как «воля», «достоинство», «законность», «могущество».

Примечательно, что графема № 5 часто в орнаментах обозначающая «засеянное поле» (о чем городские жители сегодня не имеют представления), являясь образцом символики хоть и ранних, но заметно более близких к сегодняшнему времени земледельческих культур, может, в силу этого оказалась недостаточно универсальным символом. Хотя в среднем символ № 5 и выбирался несколько чаще других символов, он оказалось, не выбирался значимо чаще ни с одной ценностью.

Так же особой оказалась и реакция на символ № 18, который нами был искусственно составлен из двух графем, каждая из которых подчеркивает троичность. Не исключено, что именно искусственность такого соединения могла привести на нашей выборке к отсутствию значимо выделившихся реакций на этот символ.

В целом по итогам проведенного пилотажного исследования можно заключить, что методика работает. Выбор соответствия ценностей и отобранных графических символов идет далеко не случайным образом. Таким образом, для ценностей мы получаем вполне осмысленные объединения, притом, что перед испытуемыми не ставилось специально такой задачи. Это позволяет надеяться, что благодаря фиксации, прежде всего сходной эмоциональной реакции мы имеем дело с несознаваемыми, не искаженными представлениями о социальной желательности основаниями объединения ценностей.

Напомним, что использованный в пилотаже список ценностей был получен нами ранее психосемантическим методом [13] и из большого списка кандидатов были отобраны те, что максимально разнесены, то есть имеют минимально пересекающиеся смыслы, но при этом достаточно полно представляют весь спектр семанти-

ческого поля базовых ценностей россиян. В связи с этим в использованном списке не только оказались исключены синонимы. Все проведенные нами опросы показали практически независимость (с точки зрения вероятностных моделей) индивидуального выбора испытуемыми этих ценностей (отсутствие значимых корреляций). Специальный анализ совместности выбора показал наличие только двух устойчиво воспроизводящихся кластера, условно названных нами «традиционалистский» и «модернистский». Теперь же после проведения этой методики на репрезентативной выборке можно будет на новых основаниях проанализировать группировки ценностей людьми и уточнить наличие структурного своеобразия не только группового, а и индивидуального выбора ценностей. Впрочем, того же анализа заслуживает и список наиболее неприемлемого и отвергаемого человеком, воспитанным в конкретной культуре, то есть всего того, что, с точки зрения архетипов, отчасти составляет «тьень».

1. *Смирнов Л.М.* Стабильность и динамика структуры базовых ценностей россиян // Ментальность россиян. М., 1997. С. 60—95.
2. *Смирнов Л.М.* Системы базовых ценностей и методы их эмпирического исследования // Ментальность россиян. М., 1997. С. 26—59.
3. *Смирнов Л.М.* Своеобразие базовых ценностей российского суперэтнуса // Ландшафт и этнос. М., 1999. С. 137—156.
4. *Смирнов Л.М.* Коллективное бессознательное и базовое ценности // Поиск истоков. М., 2000. С. 141—164.
5. *Голан А.* Миф и символ. М., 1994.
6. *Художественная культура первобытного общества.* СПб., 1994.
7. *Das Buch der Zeichen Und Symbole.* Graz, 1980.
8. *Кэрлот Х.Э.* Словарь символов. М., 1996.
9. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 3—30.
10. *Фромм Э.* Забытый язык // *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 179—298. С. 188.
11. *Элиаде М.* Луна и мистика Луны // *Элиаде М.* Трак-
тат по истории религий. СПб, 1999. С. 292—345.

12. *Shepherd W.* Glossary of Graphic Signs and Symbols. London, 1971.

13. *Смирнов Л.М.* Своеобразие базовых ценностей российского суперэтноса // *Ландшафт и этнос*. М., 1999. С. 137–156.

*теория
и исследования*
